

Два рассказа

Красная Шляпочка

Медноволосая и зеленоглазая девочка Аля с детства мечтала поступить в театральный институт. Но у нее были кривые зубы. И родители, которые раньше не имели времени заниматься исправлением Аличкиных зубов, сумели сейчас убедить девушку, что лучше стать простым, хорошо оплачиваемым программистом. Поэтому Аля оказалась на мехмате университета, где радость общения, бесшабашное студенчество и свобода передвижения, ранее не знакомая домашней девочке, затмили мечты об актерстве. Училась Аля ровно, ездила на практики в инофирмы, мужчины вниманием ее стройную фигурку не обходили, и мама уже присматривала, кому же из кавалеров вручить свое дитя. И все бы сложилось у Али в жизни хорошо, но однажды она встретила на пороге своего дома соседку, которая имела двух дочек, ровесниц Али, пресных и скучных, малорослых и некрасивых.

— Ой, Алечка, — воскликнула соседка, заглядывая снизу вверх в Алино личико, — ой, да ты почти такая же красивая, как мои дочки, только вот зубы тебя портят, торчат в разные стороны, а так ты такая симпатичная выросла, на удивление.

Аля ничего не нашлась ответить, только постаралась побыстрее уйти в тень, чтобы не была заметна волна густой краски, которая покрыла все ее белоснежное лицо. Еще долго оставался этот удушливый жар, горели и шея, и плечи, и даже спина. Впечатлительная Аля долго не могла прийти в себя после столь лестного отзыва о своих прелестях. Что-то не складывалось в ее судьбе, и виной тому были два нелепых зуба.

"Современные люди имеют гораздо более вялую челюсть по сравнению со своими предками, которым буквально приходилось рвать добычу зубами. Со своим галолирующим развитием человечество ест с каждым веком все более мягкую пищу, добротню отваренную и хорошо перемолотую. Потребность пережевывать пищу отпала, и, следовательно, челюсти с каждым поколением не развиваются, а деградируют. Зубы же по-прежнему вырастают такими, какими, например они были у питекантропа", — доходчиво объяснил Але ее проблему участковый ортодонт.

Аля послушно кивала ему с открытым ртом, куда были направлены взор и реплики эскулапа.

"Лечение должно проходить в детском возрасте. Вы, барышня, переросли слегка", — меланхолично пожал напоследок плечами эскулап, но направление на кафедру, где рассматриваются особо интересные случаи, все-таки выписал.

На кафедре Алю придирчиво осмотрел профессор и мимоходом толпа студентов.

— Милочка, вы твердо решили исправлять свои зубы? — строго спросил светило зубокачественной науки.

— Да, — отважно кивнула в ответ Аля.

— А боли боитесь?

— Конечно, — не соврала пациентка.

— Ну, не знаю, не знаю... Пойдите для начала вырвите оба четвертых зуба, потом поглядим. Необходимо освободить место для этих не уместившихся у вас резцов.

Молодой хирург долго не соглашался рвать здоровые зубы. Он с сожалением смотрел на Алю и терпеливо объяснял.

— Вы такая юная, обаятельная и привлекательная, зачем вам лишаться двух абсолютно здоровых зубов?

— Как вы не понимаете, доктор? — всхлипывала Алечка, — Мне еще жить и жить, а зубы портят улыбку.

— Вот именно, подхватывал на лету доктор, — жить и жить. Другие за здоровые зубы платить готовы, а вы решили ими разбрасываться. Не подымается у меня рука. А улыбка у вас и так красивая. Кстати, что вы делаете сегодня вечером?

— Вы мне зубы не заговаривайте, доктор! — собрала остатки воли Аля. — Рвите, и ни каких гвоздей.

От досады хирург кисло скривился и вкатил Але лишнюю порцию обезболивающего. В один прием рвать два зуба он отказался, и Аля вынуждена была прийти еще раз. За это время доктор изучил ее худенькую историю болезни, из которой почерпнул Алино домашний номер телефона и сведения о том, что в детстве она болела ветрянкой. Историей болезни начинающий врач остался чрезвычайно доволен. Именно такую девушку, длинноногую и целеустремленную, здоровую и красивую, он ждал в своем кабинете с самого начала своей медицинской практики, и вот, кажется, она пришла. Хирург без колебаний влюбился сразу и по уши.

Профессор искренне обрадовался настойчивости новой пациентки и решил именно на ней испытать изобретенную им недавно новую технологию. Каждое посещение кафедры для Али заканчивалось осмотром тридца-

тью пятью будущими протезистами и дантистами, которые старательно вписывали в свои курсовые работы миллиметры изменения положения ее зубов. На все зубы бедной девочке надели специальные скобы. Улыбаться Алечка вовсе перестала, а разговаривать стала гораздо меньше. Каждое слово, перед тем как открыть рот, она тщательно взвешивала. Начала следить за своей мимикой, никогда ничего не ела в присутствии других. Для всего курса осталось неизвестным, что Але надели железные коронки.

Поклонников от этого у нее не стало меньше, а как раз наоборот. Орел загадочности и неприступности шлейфом катился за бывшей болтушкой, теперь только изредка приподнимавшей края губ для приветствия.

Подруги отреагировали немедленно — обозвали Алю мымрой и художочной воображалой. А студенты-однокурсники напрашивались в гости: помочь справиться с написанием очередного реферата. Але не обращала внимания на все это. Ее постоянно преследовала боль. Растяжение и приведение непослушных зубов в правильное положение оказалось делом ужасно долгим, моторошным и трудным. Кушать разрешалось только каши и перетертые овощи. Жевать вообще невозможно. Три раза в день подкручивать винты в коронках, при каждом повороте которых боль усиливалась. И только Але привыкала к этой боли, проходили положенные шесть часов, и необходимо было подкручивать снова.

Але худела, но не сдавалась. Снять коронки можно было самостоятельно в любой момент, но ни разу малодушная мысль не посетила Алину головку. Чтобы отвлечься от боли, Але запоем читала Станиславского и Мейерхольда, разучивала стихотворения и басни, длинные монологи и романтические отрывки. Посещала бассейн, цирковую студию и ипподром. Ее недельное расписание не знало пробелов.

В один из пасмурных и невеселых дней февраля, когда боль окончательно измотала Алю, она стремительно бежала по городу на очередную тренировку и наткнулась на витрину универмага. Там, в витрине, стоял совершенно неуклюжий манекен, одетый женщиной неопределенного возраста. Все в одежде было плохо, и только огромная красная шляпа была необыкновенно хороша. Але не сомневалась ни секунды, она вложила в свою просьбу столько красноречия, что завсекцией не смогла устоять, и сняла с манекена шляпу. Але выложила за нее всю свою повышенную стипендию. Из универмага на тренировку Алю провожал замдиректора, который случайно оказался в зале и наблюдал сцену примерки.

На курсе покупку не смогли не заметить. "Красная Шляпочка" прилипло к Але мгновенно и навсегда. Шляпа дала ей второе дыхание, она

своей энергией подталкивала к новым подвигам и свершениям, и легче стало переносить боль.

В середине весны, после полутора лет мучений, коронки сняли. И Красная Шляпочка улыбнулась всему миру ослепительной, безукоризненной улыбкой. Воздыхатели изумились этой неожиданной радостной перемене и дружно улыбнулись ей в ответ.

Легкомысленно и непринужденно Але, никому не отдавая предпочтения, встречалась по очереди с хирургом, замдиректором и однокурсником. Правда, сообщать им о существовании соперников как-то не приходило ей в голову. Мимолетные свидания для нее ничего не означали, и к своим любовным победам она относилась легко и просто, не задумываясь о последствиях.

Ухажеры же по злой иронии в один солнечный майский день вдрут взяли и решили попросить ее руки и сердца, причем втроем, с огромными букетами в один и тот же час собрались возле Алиной квартиры. Бурная сцена объяснений друг с другом неожиданно привела к обвинительному акту в адрес ветреной вертихвостки, жеманной кокетки и лживой обманщицы. Мужским коллективом решено было проучить Красную Шляпочку на всю оставшуюся жизнь, чтобы неповадно было. Каждый в отдельности из собравшихся был неплохим человеком, но когда в присутствии других ущемлено пресловутое мужское самолюбие...

Боже мой, каких только казуистических предложений не поступило на рассмотрение от раздухорившихся петухов. После долгого спора план действий вырисовался в деталях. И может быть, они бы одумались, переложив эту дурость на завтра, но зловерный огонек мщения зажегся у каждого в глазах, и поэтому студент позвонил в дверь, а остальные подкарауливали на площадке.

Беззаботная Красная Шляпочка с радостью приняла приглашение пройтись в парк погулять. Первые теплые денечки, свечки каштанов, трепещущие на ветру листочки. Они взялись за руки и пошли вперед. Двое несостоявшихся женихов поплелись следом. В старом тенистом парке, в дальней аллее трое обозленных кавалеров задрали Красной Шляпочке платье и отстегали ее крапивой. В порыве своей глупой мести они слегка увлеклись, сбивая тоненькую фигурку девушки на землю. Але ударилась зубами о камень, и слабые, не устоявшие на своих местах резцы были выбиты. В разные стороны убежали нападавшие, когда девушка повернула к ним свое лицо. Волком выл хирург, он знал больше, и от этого ему было хуже остальных.

Первые несколько минут Красная Шляпочка не могла прийти в себя, ее колотила нервная дрожь. Она сидела на земле и не могла понять, как такое могло случиться. В состоянии полной прострации через несколько часов после порки ее нашла дворничиха парка.

Скорая отвезла Алю в отделение челюстно-лицевой хирургии. Ей зашили губу и выдернули опеньки передних зубов. Аля терпеливо сносила процедуры и не разговаривала. Врачи не могли добиться от нее ни слова. Родители почувствовали неладное и по очереди дежурили у ее постели, опасаясь, чтобы с ней не случилось чего-нибудь похуже. Аля лежала, отвернувшись от всего мира, и непрерывно глядела в одну и ту же точку на стене.

За большую взятку через неделю родителям удалось забрать Алю домой, в таких случаях пациентов положено переводить в психбольницу. Смена обстановки не изменила ее поведения. Ни уговоры отца, ни причитания матери не действовали. Красная шляпа сиротливо пылилась на стене в прихожей. Трое отличившихся воздыхателей, струсив, разъехались из города кто куда.

В конце мая светило медицинских наук неожиданно решил продемонстрировать на конференции результат своей работы. Профессор позвонил Але домой, чтобы договориться о дне показа, и был неприятно поражен грустной новостью. Семидесятидвухлетний доктор мгновенно понял, что происходит, он не поленился тут же приехать и осмотреть свою больную. Сухопарый подтянутый профессор не стал долго разглагольствовать на темы "Что делать? Как поступить?". Он вызвал дежурную машину, и уже через полчаса Але на кафедре готовили слепки для имплантации зубов по суперсовременной американской методе. Профессор не уговаривал, он отрывисто отдавал распоряжения и спрашивал у пациентки: "Не давит? Не жмет?". И волей-неволей Але пришлось отвечать. Вживание длилось около месяца.

В этом же году Красная Шляпочка с легкостью поступила в театральный институт. Приемная комиссия была в восторге от единственной настоящей трагической героини из всей оравы абитуриентов. От ее лаконичных жестов, от ее непринужденности поведения на сцене, от широко распахнутых зеленых глаз, от ее лучезарной улыбки в самых неожиданных местах, которая естественно подчеркивала пронзительную глубину монологов.

Аля учится ровно, ее часто приглашают сниматься в рекламе, и даже были уже пробы в кино. С выбором своих знакомых она стала чрезвычайно осторожна. Недавно она встретила соседку по дому.

"Ой, Алечка, — воскликнула та, — ты почти такая же удачливая, как мои девочки. Они, знаешь, в Америку письма написали, и теперь ехать к женихам собираются. Хочешь, я и тебе адрес агентства подскажу? А то ты все одна да одна..."

Аля вежливо отказалась.

Перевоплощение

Спать всегда просыпаться трудно, а тут еще музыка какая-то над ухом противно так жужжит. Поднял голову, оглянулся, вокруг все незнакомое. До одурения незнакомое. Простыни, страшно сказать, шелковые. На лампе абажур ядовито-зеленый, обои в мелкую крапинку и кровать под балдахином на полкомнаты. И я, значит, собственной персоной, абсолютно голый в середине этой кровати торчу. Чертей, гадов ползучих нигде, правда, не наблюдается, но все равно очень твердо решил, что это белая горячка.

Немного так, для приличия полежал, авось все растает и превратится в родной вытрезвитель. Не растает, елки-палки. Попытался зрение на чем-то одном сосредоточить. Не фокусируется, зараза. Только музыка надоедливо ужасно попискивает. Не поймешь, какая музыка, но не попса точно.

Попробовал незаметненько, боком с кровати сползти, ну чтоб очнуться, значит, а тут баба в комнату входит. Японский бог, скажу я вам, какая баба. Мне в глазах темно в момент стало, я такой даже в журналах не видал. Кожа белая, аж перламутровая, ноги из-под зубов растут, глаза с поволокой. И одетая по случаю, в чулки с поясом, и в лифчик, и все... Ну, чтоб с места мне не сойти, коли вру. Я, конечно, чтоб не оконфузиться, назад под одеяло нырнул, выглядываю осторожненько, до чего эта горячка меня доведет. А баба плавно так по комнате вышагивает и ко мне под одеяло — шаст. И лежит рядом, дышит. Одеяло от ее дыхания легонько колышется. Меня сразу пот пробил, елки-палки.

Как с ребятами вчера начинал — помню, как обычно после полочки, в баре на углу по ершику. Как продолжал — помню, как обычно, в подъезде — портвейн. Как уже домой собрался и, как обычно, на посошок одеколон употребил. Даже это помню, но чтоб баба эта хоть где-то в углу сознания была? Не было у меня отродясь таких знакомых.

Поворачиваю голову к ней, а она на меня смотрит в упор. Глаза, что твой тарелки в пол-лица.

— Может нужно вам чего-нибудь? — тихонько спрашивает.

Очень приятная, думаю, горячка, за другими упыри с водяными гоняются, а мне баба мерещится. Очень даже ничего, эта самая горячка, пусть подольше продлится.

- Отчего ж не нужно, валяй, опохмелиться у тебя найдется?
- Вы, что предпочитаете, водку, виски, джин?
- Вотджином, значит, ни разу в жизни не опохмелялся.
- "Gordon's", "Beefeater"?
- Первое...

Ушла, только запах духов оставила. Все, сейчас очнусь. Вот чувствую, вот немного еще, самую малость осталось... Вернулась. Бедрями слегка качнула, меня аж подбросило, ну как у Айвазовского, девятый вал и все тут, елки-палки. Какую ерунду мне вчера в стакан домешала, что со мной сегодня такое происходит? И где я на самом деле сейчас, еще дома или уже на дурке?

А она столик на колесиках прямо мне под самый нос подкатывает, в стакан лед кладет, лимончик, и джин наливает, а сама опять ко мне под одеяло — шасть.

Не долго думая, я стакан джину, сдуру, весь и опрокинул. Скажу по правде, водка для опохмелки гоораздо лучше. Льдом закусьваю, от него, сатаны, скулы сводит, но ничего, держусь, только зубами похрустываю. А баба, значит, посигар золоченый мне протягивает, а в другой руке у нее зажигалка щелкает. Я вот на все уже согласный, и на чертей, и на белочек, но чтоб так за мной ухаживали? Невыносимо совершенно это для непривыкшего человека.

- Чего, — говорю, — тебе от меня надо?
- Ничего, люби меня и все, — шепотом отвечает.

Полюбил я ее, очень крепко полюбил, никогда со мной такого не случилось, чтоб вот сразу взял и полюбил. И до того у нее в постели мне понравилось, не хочется уходить и все тут. А хозяйка после любви отряхнулась вся как-то и вещи мне подает. Гляжу я, а вещи не мои. Дорогие это вещи. Ну, не знаю доподлинно, там Карден или чтоб Версачей какой, а просто видно сразу, что не на базаре куплены.

— Извините, — говорю, — хозяйшкa, ошибочка тут вышла. Не мои это шмотки, мне этих не полагается.

— Бери, — протягивает она шмотки, — бери, носи, не бойся, новые. Везла мужу из Милана. А он дату приезда мою перепутал, веселье сильное тут у них вчера организовалось. У нас здесь и собирались. Халат мой он своей секретарше подарил. Она в нем мне на звонок и открыла. Отчего ж я теперь не могу кому хочу его вещи подарить?

— Я не твой секретарь. Мне тряпки твои не нужны.
— Ты не секретарь. Правда. Ты вчера был самым последним из всех мужиков, которые на улице валялись. А я поклялась себе, что если и пересплю с кем, так с самым грязным. Бери, я твои лохмотья выкинула. Тебя вымыла, а то запах был...

— Ты что же использовала меня так? Как шлюх пьяных на улице подбирают и трахают в полусознании? Мужу мстила, значит? Ты... — у меня от злости и возмущения в зобу дыханье сперло. Меня ветром с кровати сдуло, прыгаю на одном месте, как дурак, не могу ногой в штанину попасть.

— А что, тебе плохо со мной было?

— Нет.

— Так почему же я тебя использовала? Ты ж в сознании это все делал? На видеоканеру нас не снимали, фотографий папарацци тоже тут не щелкали, слава Богу, не с кого... — ручкой так на меня указывает, мол, не принцесса Диана, не принц монакский.

— Ты, давай, иностранными словечками не очень-то бросайся. На хрена это все нужно было? Нашла бы кого посolidнее. Неужто никто не позарился? Ты на себя погляди, погляди, да ты любого закадрить бы смогла.

— Смогла бы. Знаешь, сколько разных ко мне кадрилось? А я все верность берегла. Понятие в современном мире устаревшее и ненужное. В командировке все про мужа вспоминала, а он так глупо и пошло, как в анекдоте, с секретаршей... — и вдруг как заплачет. Слезы из нее не просто ручьями, а форменная истерика.

Я в первый момент даже растерялся, елки-палки. Жалко бабу и за себя обидно, это ж она меня только что последней скотиной поинтеллигентски так обозвала. Стою истуканом, не знаю, что и делать. Тут мне лед на глаза попался. Я ей ведерко льда на голову и одел. А как стали льдинки по ней обнаженной катиться, ну, не смог я с собой сладить. Ну что тут поделаешь? Отделал ее по первое число, в разных позициях, значит. Лежим оба после этого умиротворенные, в потолок глядим.

— Уходи, — наконец-то говорит, — уходи. Ты самое непонятное, что со мной в этой жизни случилось.

— Ты что же, первый раз мужу изменила? Не верю.

— А ты не Станиславский, тебе верить мне необязательно.

— Тоже мне нашлась, артистка великая, мстительница-ревнивица, Нонна Мордюкова, Софи Лорен, Мурлин Монро... елки-палки, — грубо ей, а сам думаю: и вправду я сволочь немытая, получается. То, что это самое лучшее, что со мной в этой жизни стряслось, бабе сказать не могу. Вот не поворачивается мой дрянной язык, и все тут.

— Уходи, — совсем глухо, и отвернулась.

Потоптался я на месте, что тот медведь. Делать нечего, пришлось уйти в мужнином шмотье. Классный такой прикид, доложу я вам, получился. Иду я по дороге, а ноги меня к себе домой не ведут. Оглядываюсь в витрины. Совсем другой человек из меня получился. И куда мне теперь во сем этом показаться?

Мне тридцать три года, и только что самая красивая и лучшая женщина на свете назвала меня самым последним дерьмом, палки-елки. Мне жизнь перевернуть всю захотелось. Что же это делается, как до такого себя допустил? А тут на глаза объявление на столбе кинулось: "Курсы ораторского искусства. Запись по вторникам и пятницам. Совсем недорого".

Сегодня как раз вторник, значит судьба, к тому же недорого. Пошел я на эти курсы. Три месяца отходил, теперь по-другому разговариваю. Пить я, конечно, бросил. Не до того стало: спряжения, падежи, местоимения и прочее, сами понимаете. Руки трястись только к концу второй недели перестали. Осанка появилась, уважение к себе, что ли. На работе я так шефу и сказал:

— Любезный Сидор Петрович, если вы не сообразовите мне поднять заработную плату, то чаша моего терпения переполнится, и я возьму расчет.

Представляете, он поднял. Только что мне с этого? Ту женщину не вернуть. Забыл я адрес, где все происходило. Но ничего, сегодня иду, на столбе опять объявление висит: "Курсы аутотренинга и сновидения. Помощь в нахождении самого себя и утерянных ценностей. Запись по средам и субботам. Оплата индивидуальная — по способностям". Извините, с рассказом заканчиваю, сегодня суббота, поэтому спешу записаться. Зарплата у меня уже приличная, думаю, дорос до индивидуальных занятий.

ПОЭЗИЯ

Игорь ПОМЕРАНЦЕВ	
Вдогонку книге стихов	.202
Аркадий ГУРОВИЧ	
Королевство любви	.208
Полина ТАРАНЕНКО	
Герой Нашего Времени	.212
Александр МАРДАНЬ	
Лишние билеты	.214
Эвелина ШАЦ	
Это было в Одессе	.216
Елена ПАЛАШЕК-СТОРОЖУК	
Бабочки на счастье	.218
